

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.75

*М.А. Богданова***ПАРАДИГМА СМЫСЛОВЫХ РЕГУЛЯТИВОВ
ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ**

Автор обращает внимание на то, что Олимпизм вырастает из особенностей греческой религии. В отличие от традиционных религий древности, греческая религия с ее антропоморфизмом становится условием развития не только олимпийских игр в Древней Греции, но и физической культуры вообще. Анализируя тексты Гомера, а также опираясь на современные культурологические и философские исследования, автор описывает традиции античного олимпизма.

Ключевые слова: античная Греция; греческая религия; антропоморфизм; Олимпийские игры; Гомер.

Олимпийские игры, так же как Истмийские (586 г. до н.э.), Пифийские (583 г. до н.э.), Панафинейские (565 г. до н.э.), Немейские (473 г. до н.э.), представляли собой священные празднества в честь богов. Самые значимые из Олимпийских игр были посвящены Зевсу; Истмийские, проходившие в Коринфе, проводились в честь бога Посейдона, тогда как в Дельфах и Нимеях состязания совершались в честь бога Аполлона. Древнегреческая мифология предоставляет современным исследователям достаточное количество сюжетов, объясняющих происхождение и смысл Олимпийских игр; они в той или иной степени сводятся к вечному состязанию смерти и нового рождения, характерному для всех сельскохозяйственных культур. Целью этих упражнений являлось обеспечение плодородия земли и хорошего урожая, а также исполнение ритуальных церемоний, посвященных умершим. «Все атлетические события «должны убедить бога восстать от смерти и вновь явиться в облике ростка, восходящего из темной могилы земли на солнечный свет» [1. С. 154].

Считается, что первые Олимпийские игры учредил Геракл над могилой Пелопса, вернувшегося к жизни благодаря принесению в жертву молодого юноши. Таким образом, поражение в атлетическом состязании стало символической заменой ритуального жертвоприношения и началом нового круга возрождения природного цикла.

Следует отметить, что греческая религия во многих своих чертах и проявлениях не укладывается в привычные религии Древности. «Даже при беглом и поверхностном знакомстве с нею становится ясно, что на общем фоне культурной истории Древнего мира она была явлением столь же своеобразным и даже уникальным, как и вся вообще греческая цивилизация» [2. С. 297].

Типичного для стран Древнего Востока засилья религиозной догматики греки не знали. Собственно самой догматики, строго изложенной в священных текстах, подобно Ведам, Корану или Библии, у греков не существовало. Вся их сакральная мудрость черпалась ими из мифов в изложении Гомера и Гесиода. Именно они впервые установили для греков родословную богов, дали им имена и прозвища, разделили между ними круг обязанностей и полномочий и описали их характеры. Не знали греки и всевластия жречества, осуществ-

ляющего строгий контроль за поведением и мыслями людей, как это было на Востоке.

Греки представляли своих богов вполне антропоморфными существами, они «сильно преуспели в очеловечивании своих богов, как, пожалуй, никакой другой народ древности, резко сократив дистанцию, отделяющую человека от божества, и почти совершенно лишив его того, что и является его главным отличием от человека во всех религиях мира, – его особой мистической ауры» [2. С. 310].

Для греков боги – не бестелесные духи, а существа, состоящие из крови и плоти. Боги Олимпа не обладали бессмертием, имели родителей, детей, при этом никто из них, даже Зевс, не мог претендовать на роль творца всего сущего. Их отличие от человека было чисто материалистическим и заключалось только в том, что они превосходили людей в физической силе и мощи, легко преодолевали огромные расстояния, могли управлять природными стихиями, но так же, как и люди, вынуждены были повиноваться всевышнему жребию или судьбе. Подобно людям, боги могли испытывать боль, им были известны такие человеческие чувства, как страх, отчаяние, печаль, злость, ярость. Гомер наделил каждого из богов яркой и неповторимой индивидуальностью. Их образ жизни есть не что иное, как приукрашенная проекция типично аристократического образа жизни гомеровской эпохи: как и знатные аристократы, они живут, вкушая нектар и амброзию, наслаждаясь воинскими победами, любовными приключениями, атлетическими состязаниями; как и для земных царей, для них нет ничего важнее чести. Боги весело проводят время на пирах, иногда они ссорятся, часто вмешиваются в дела людей.

Люди верили, что от богов происходят добро и зло, поэтому их необходимо расположить к себе. Их благорасположение можно снискать поведением им приятным, а отвратить – неприятным. Приписывая богам человеческие качества и страсти, они относились к ним так же, как мы относимся к могущественным людям, ища у них покровительства и защиты. Для приобретения дружбы с ними или отвращения гнева богов греки прибегали к таким же средствам, к каким часто прибегаем мы, – они одаривали богов. Эллы верили, что богам доставляет удовольствие все то, что доставляет удовольствие людям, в том числе и богатые дары. В «Илиаде»

Гекуба приносит драгоценное платье в храм Афины, а Гектор обещает доставить в храм Аполлона оружие побежденного противника. Дары были самые разные. Они дарили все то, что считали ценным и полезным, и прежде всего то, что могло служить целям культа или для одевания и украшения статуй, это могли быть всякого рода чаши, бокалы, треножники, браслеты, платья, пояса и многие другие вещи для украшения храма и прилегающих территорий. Обычай требовал посвящать богам почетные награды и венки, получаемые победителями на состязаниях. Особый вид священных даров составляли животные, которых приносили в жертву тому или иному богу. Вот как описывается обряд жертвоприношения в книге «Эллинская культура»: «Под звуки флейты животному наносится установленный обрядом смертный удар; его кровь орошает жертвенник; тогда в дар богам сжигают кости ног с жиром, лакомые же внутренности тут же жарят и съедают. Но главным актом жертвоприношения остается торжественный и вместе с тем веселый пир, для которого готовятся на заботливо наблюдаемых вертелах хребты жертвенных животных» [3. С. 57]. Широкое распространение получали и символические дары: волосы детей, победоносное оружие, искусно сделанные сосуды, медовые лепешки, печенье, различные плоды; для богинь предназначалась праздничная одежда – пеплос.

Антропоморфизм греческой религии, по всей видимости, заставлял греков верить, что богам доставляет наслаждение все то, чем наслаждаются люди и что ласкает их чувства и взор. Как и люди, они любят зрелища и совсем не против понаблюдать за поединками людей, полюбоваться их сильными и гибкими телами, смелостью и отвагой, поскольку им известны и понятны жажда борьбы, сладость победы и горечь поражения. В «Теогонии» Гесиода рассказывается о борьбе богов за власть в процессе мироустройства. Как отмечает А.А. Тахо-Годи, в основе гигантомахии (как и титаномохии) лежит идея упорядочения мира, воплотившаяся в победе олимпийского поколения богов над хтоническими силами и укреплении верховной власти Зевса. Окончательная победа над хтоническими силами была одержана Зевсом, когда он одолел великана Тифона – порождение Геи и Тартара. Свой агон с честью выдержал и Аполлон, сокрушив чудовищного змея Пифона, опустошавшего окрестности Дельф. Одолев Пифона, Аполлон основал на месте древнего святилища Геи свой храм и учредил Пифийские игры, занимающие второе место по блеску и значению после Олимпийских. С этими победами завершился «героический период» деятельности олимпийских богов. Мир обрел стабильность и порядок и более не требовал космического вмешательства. Боги отныне могли заниматься исключительно своими «внутрисемейными» делами, а подвиги и ристалища стали уделом героев и простых людей.

Как существа средние между богами и смертными герои были посредниками в сношениях людей с богами: благодаря заступничеству героя, люди легче могли снискать милость у богов. Личность героя обладала в понимании людей того времени некоей мистической энергией, которая создавала вокруг него силовое поле,

благодетельное или вредоносное для простых смертных. Останки героя, его оружие, одежда обладали чудодейственной силой и могли повлиять на ход событий в сторону, благоприятную для тех, кто сумел ими завладеть. Именно этим можно объяснить способность героя выступать защитой или нести гибель для врагов. Из мифов мы знаем, что многие герои были не только прекрасными воинами, но и выдающимися атлетами. Так, например, опытным кулачным бойцом был Полидевк, прекрасным бегуном слыл Ахилл, Персей известен как метатель диска, а Геракл был одинаково удачлив и в беге, и в стрельбе из лука.

О первых состязаниях героев и людей, которые переняли от богов страсть к соперничеству, рассказал Гомер. В «Илиаде» и «Одиссее» немало описаний соперничества, какие были в чести у греческого народа. В 23-й песне «Илиады» Гомер рассказывает об одном из дней десятого года осады греками Трои. Эта песня наполнена яркими и подробными картинами состязаний и духом борьбы ради стяжания славы и обретения бессмертия в памяти поколений. Сраженного ударом копья в грудь Патрокла оплакивало все ахейское войско, но более всего рыдал над телом убитого друга герой Ахилл.

Воздав все необходимые почести Патроклу, выполнив ритуал погребения с жертвенным костром и поминальным пиром, Ахилл объявил о начале состязаний в честь храброго воина. Поминальные игры в честь Патрокла включали состязания колесниц, борьбу, метание диска, бег, кулачный бой, стрельбу из лука. Именно эти виды состязаний и составили впоследствии соревновательную программу в Олимпии в классическую эпоху. Также утвердился порядок проведения этих и других игр, которые распадалась на две главные части – священнодействие и состязание.

Как свидетельствует Гомер, открыли поминальные игры состязания колесниц. Вознищие – Менелай, Антилох, Диомед, Эвмел и Мерион – опустили в шлем Ахилла жребий, чтобы определить свое место у стартовой черты.

Разом возницы на коней занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвения; и разом помчались по полю кони
Вдоль от судов с быстротою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала взвиваться на воздух, как туча, как сумрачный вихорь.
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
В пыльных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы [4. XXIII, 365, 370].

Царь Аргоса Диомед обрел славу победителя и вместе с ней прекрасную наложницу и золотой треножник. А проиграл свой агон Эвмел. Антилох уверен, что если бы Эвмел молился богам, то он не был бы последним в состязании. Тевкр уступает в стрельбе из лука Мермону только потому, что тот пообещал жертву Аполлону. Гомер описывает в «Илиаде», что боги не остаются равнодушными к состязаниям героев и смертных, помогая одним и отбирая удачу у других.

Почти 700 стихов посвящено поминальным играм под Троей в первой из эллинских былин. В «Одиссее» уже иные сюжеты и краски: сугубо мирные игры, дос-

тавшие в наследство от предков. С течением времени праздники у греков становятся все больше и зрелищная состязательная сторона начинает занимать все большее место. На праздники стали стекаться люди не из-за почтения к божеству, а ради торжественных шествий, игр и других зрелищ или для участия в праздничных пиришествах.

В 776 г. до н. э. в небольшом поселке Олимпия, расположенном в древнегреческой области Элида, что в тридцати милях от побережья Ионического моря на Пелопоннесском полуострове, состоялись первые соревнования, давшие старт будущим Олимпийским играм.

Время и место прохождения игр не было случайным. Игры совершались во второе или третье полнолуние после летнего солнцестояния. Объявлялось олимпийское перемирие, и атлеты в ближайшем от Олимпии городе Элида собирались для интенсивных тренировок на 30 дней, после чего совершали двухдневную процессию к месту проведения ристалищ. В перерывах между спортивными состязаниями свои таланты могли продемонстрировать художники, чтецы и музыканты. В отличие от них, атлетам надлежало прибыть в Элиду, где они тренировались, за месяц, чтобы набрать оптимальную спортивную форму.

Пять дней Олимпийского праздника были очень насыщенными и состояли из сменяющих друг друга религиозных обрядов и спортивных состязаний. Первый день отводился трубачам и герольдам, а также спортивным соревнованиям юношей. Во второй день происходили конные скачки, гонки на колесницах и состязания пятиборцев, которые включали бег на стадию (по мере постепенного расширения программы олимпийских состязаний вводятся новые дистанции бега: на расстояние в две стадии — диауλος — и несколько стадий), метание копья и диска, борьбу и прыжки в длину. Соревнования в пятиборье требовали от спортсмена разнообразной техники и недюжей силы и выносливости. Все гонки, не входившие в пятиборье, имели место в третий день. Четвертый день был посвящен борьбе, кулачному бою и панкратиону — рукопашному бою в честь Геракла, соединяющему удары руками и ногами. В пятый день прославлялись победители и устраивались праздничные пиры и шествия.

Атлеты на панэллинских играх выступали обнаженными, перед соревнованиями они натирали тела оливковым маслом, сей факт исследователи склонны трактовать как средство повышения спортивной результативности. С этим не согласен немецкий историк Х.У. Гумбрехт: «Меня... не убеждает мнение, что стратегические преимущества были главной причиной. Масло придавало обнаженным телам атлетов блеск отраженного солнца, и сам этот осязаемый ореол выделял их из ряда обычных людей» [5. С. 63].

Олимпийские состязания постепенно приобрели большую популярность во всей Греции, сделав олимпийский праздник панэллинским. Надо отметить, что торговые и политические отношения между городами-метрополиями и их колониями не были слишком прочными и требовались определенные усилия для их укрепления, в том числе и с помощью отправления традиционных религиозных обрядов. В этом смысле панэл-

линские состязания и прежде всего Олимпийские игры становились важнейшим способом укрепления межгреческих политических связей, формирования национальной идентичности против «варваров», говорящих на других языках.

Сообразно с представлениями того времени греки видели в атлетах-победителях своих воскресших мифических героев, вновь явившихся потомкам во всем своем физическом совершенстве. Победители Олимпиад действительно походили на эпических героев своим прекрасным физическим обликом, образом жизни и победой в спортивных ристаниях.

Каждая Олимпиада (четырёхлетний период) получала название в честь победителя в первом спортивном поединке пятидневного форума. Во время спортивного состязания специальные лица, служители культа, следили за соблюдением правил соревнований. Наказания за различного рода нарушения были достаточно строги и предполагали «снятие» судьями нарушителя с соревнования. Обязательным элементом программы Олимпийских игр был пир, устраиваемый в честь богов, в благодарность за их покровительство и помощь победителю. Снискавшие победу награждались оливковыми ветвями, срезанными мальчиком в священной роще Зевса, оба родителя которого должны быть живыми.

Вся эта регламентация не оставляет сомнения в культовом характере древних олимпийских игр. В этом изначально религиозном действии собственно игра, состязание, упражнение не обладали самостоятельной функцией, той, которая зримо выступает в современном спортивном действии.

Устроенные с большой помпой общегреческие атлетические состязания с обильными жертвоприношениями, великолепными праздничными шествиями привлекали огромное количество народа, стремящегося увидеть своими глазами победителя. Агон воспринимался греками отнюдь не как простое состязание в ловкости, силе, быстроте ног, «но прежде всего как особая разновидность божьего суда, конечной целью которого было выявление среди участников игр и городов, пользующихся особой благосклонностью богов или, как иногда говорят, “осененных божьей благодатью” (харизмой)» [2. С. 212].

В соответствии с общими особенностями мировоззрения грека для него остается неизменным, что мир в целом не подвластен человеку. Более того, этот мир по отношению к человеку глубоко безразличен и даже враждебен, так что человек в конечном счете отдан року, судьбе и, по сути, обречен. Как же воспринимался победитель — человек, добившийся успеха в общегреческом масштабе? Как при наличии указанных представлений трактуется и оценивается победа какого-либо конкретного индивида в общеэллинском масштабе? Для грека естественно считать, что победа столь абсолютного ранга не может быть достигнута самостоятельно, с опорой только на собственные силы. Такая победа возможна лишь в случае активной помощи богов. Божество, покровительствующее на играх, присутствовало на них в качестве строгого арбитра и выносило свой приговор победой того или иного атлета. Победитель соревнования самим фактом победы заявлял о себе как о любимце богов. Спортивное состязание

вание, таким образом, определяло не только лучшего спортсмена, но и лучшего грека. Об этом говорит К. Ясперс: «Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи» [6. С. 331–332].

Аналогично оценивает ситуацию и российский исследователь М. Гаспаров: «Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще – того, кто овеян божественной милостью» [7. С. 362].

И далее: «Греки времен Пиндара шли на состязания с таким же чувством и интересом, с какими шли к оракулу. Не случайно цветущая пора греческой агонистики и пора высшего авторитета Дельфийского оракула так совпадают» [Там же]. Фантастический почет, который воздавался победителям Олимпиад, как раз и объяснялся тем, что в них чтили не великих спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось делом атлета, а милость богов принадлежала всему роду, из которого произошел спортсмен.

Дело здесь заключалось в том, что присутствие среди граждан полиса или в составе его войска олимпионика или победителя другого общеэллинского агона давало основание полису надеяться на благословение божества. Атлет, увенчанный в Олимпии трижды (олимпионик), или периодоник (победитель на четырех главных играх в течение одного четырехлетнего периода) мог поставить в Олимпии свое изображение. Часто это делали соотечественники.

Некоторые особенно выдающиеся атлеты еще при жизни обожествлялись. Так, периодоник Эфиалий имел право приносить жертвы своему золотому изображению как статуе бога. Когда олимпионик возвращался с наградами домой, соотечественники разбирали крепостную стену, и через этот проход атлет торжественно вступал в родной город. Этим давали понять, что городу, в котором живет такой герой, не нужны каменные стены: атлет защитит земляков от любого врага. Жители даже самого небольшого полиса стремились к тому, чтобы прославить свой город на всю Элладу, для этого они были готовы потратить любые средства на устройство пышных праздников, атлетических состязаний или строительство храма.

Статуи, которые восхваляли лучших атлетов, создавались самыми знаменитыми мастерами. Так, известно, что благодарные сограждане спартанского бегуна Лады заказали в честь него статую у самого Мирона (сер. V в. до н.э.). Победа Лады потребовала

от него столько сил и напряжения, что на обратном пути на родину он умер.

Словно в эфире парящий ногами стремится он к цели,
Сильно вздымается грудь, верой в победу полна.
Вот таким то тебя здесь поставил, Лада, сам Мирон.
Легкий как воздух, летишь с поднятой вверх головой.
Полон надежды ты. Губы чуть тронуты свежим дыханьем.
Жажда к победе в груди вносит желания вверх [2. С. 278].

Столетиями складывающиеся традиции античного олимпизма начинают колебаться в V в., а в IV в. до н.э. олимпийский упадок уже очевиден: он закономерно совпал с кризисом полисного устройства греческого общества.

Триумфальные победы Александра Македонского обеспечили эллинское государство огромной армией бесплатной рабочей силой, что привело к возрастающей конкуренции среди свободных, но не слишком зажиточных эллинов, которым теперь совсем не оставалось времени для занятий гимнастикой, не говоря уже о регулярных тренировках. Могучие, но ограниченные профессионалы сменили их на стадионах. И хотя снижение патристического и воспитательного значения игр во времена македонского, а затем и римского господства ненамного уменьшило интерес к ним зрителей, такие состязания уже никак не способствовали процветанию спорта в благородном, высоком, истинном смысле этого слова.

Кроме этого, «снижению» олимпийских идеалов способствовал и нарастающий религиозный скептицизм: грек уже не относился к своим богам-олимпицам с прежним страхом и почтением. Это, в свою очередь, отразилось и на авторитете экехейрии: начиная с четвертой четверти V в. до н.э. священное перемирие уже повсеместно нарушается. Одна за другой были преданы забвению и прочие статьи олимпийского устава. Теперь, например, иностранцы уже допускались к участию в играх: ведь небезопасно было не допустить на Олимпийский стадион, предположим, завоевателей-македонян или римлян, впрочем на время игр их объявляли греками. Однако главным могильщиком олимпиад стала христианская церковь. Как государственная религия Римской империи христианство не желало терпеть рядом с собой пантеон эллинских богов и «языческие игры» с их гармонией человеческого тела и разума.

Несовместимость политеистического античного олимпийского сознания с утвердившейся парадигмой христианского монотеизма обусловила более чем полуторатысячелетний разрыв европейской культуры с древнегреческой олимпийской традицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуттман А. От ритуала к рекорду. Философия, политика и культура спорта // Логос. 2009. № 6 (73).
2. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетея, 1999.
3. Баумгартен Ф., Поланд Ф. Эллинская культура. М., 2000.
4. Гомер. Илиада. Одиссея: пер. с древнегр. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ, 2003. 859 с.
5. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / пер. с англ. В. Фещенко. Новое литературное обозрение. 2009.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
7. Гаспаров М. Поэзия Пиндара // Вакхилид: Оды. Фрагменты. Приложения. М.: Наука, 1980.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 декабря 2011 г.